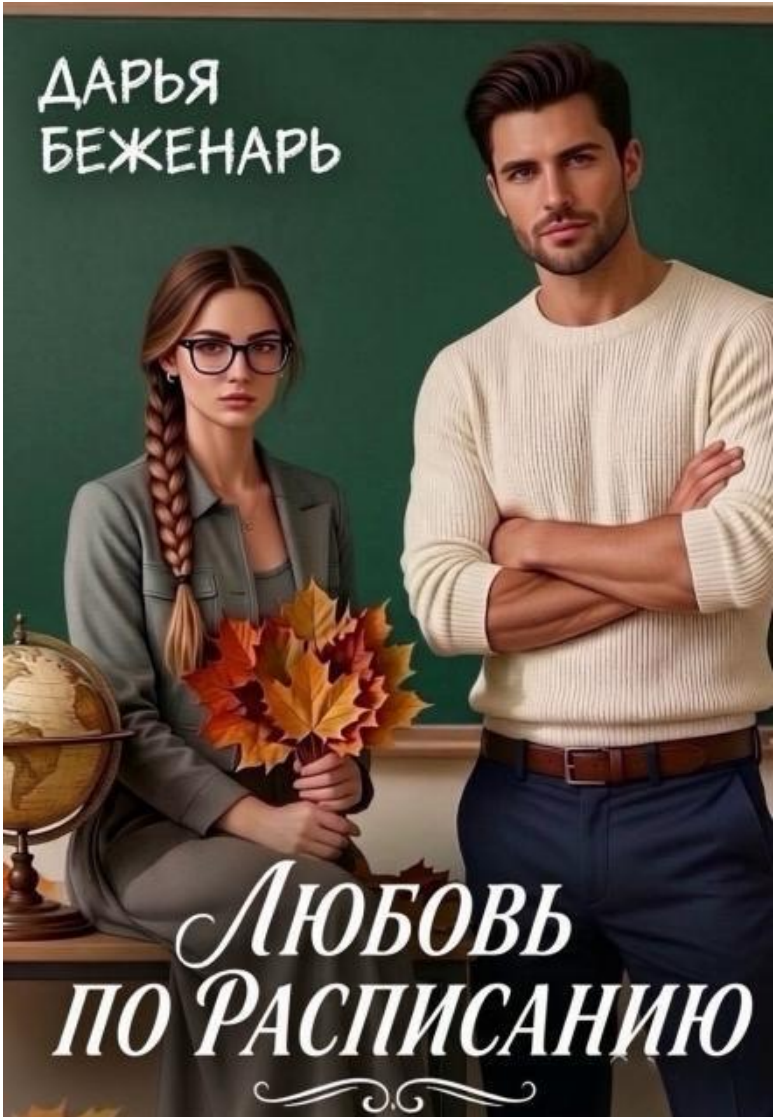
ДАРЬЯ
БЕЖЕНАРЬ
Любовь
по Расписанию

Дарья Беженарь
Любовь по расписанию

https://litres.ru/74697088

Аннотация

«Мымра» — прозвище, с которым Марина почти смирилась. Строгая учительница, которую уважают, но не понимают. После скандала с отцом ученика она решает развеяться — и снова сталкивается с ним. Один вечер без правил может всё изменить…

- взрослые герои - скромная учительница - настоящий мужчина - юмор и романтика

_____

История Владимира и Любы:

История Гели и Мирона:

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 18
Глава 4 25
Глава 5 33
Глава 6 41
Глава 7 48
Глава 8 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Глава 1

Максим

— Настя, кофе! — рычу на бедную секретаршу так, что, кажется, даже папки на стеллаже вздрагивают.

— Сейчас всё будет, Максим Денисович.

Залетаю в кабинет, швыряю мокрый зонт в угол — с него тут же стекает грязная осенняя вода, оставляя тёмное пятно на полу.

— И Олега ко мне в кабинет пригласи! — бросаю через плечо, не оборачиваясь.

Хлопаю дверью. Облокачиваюсь руками на стол, пальцы впиваются в край столешницы. Взгляд падает на шкаф с подарочным алкоголем. Коньяк в тяжёлом графине манит янтарным блеском. С удовольствием сейчас бы бахнул. Но на работе алкоголь распивать для меня табу. Домой приеду — расслаблюсь. Обязательно.

Прикуриваю сигарету, выдыхаю дым в приоткрытое окно. На улице с утра льёт как из ведра — не дождь, а сплошной серый занавес. Вода стекает по стеклу мутными струями, размывая очертания города до какой-то бесформенной каши. Я ни фига не Пушкин, кайфовать от осени — не моё. Природа увядает, и точка. Грязь, сырость, серость — какая, к чёрту, лирика.

Настя приносит кофе и печенье на блюдце. Ставит на край

стола, будто боится приблизиться. Видит, что я без настроения. Обычно я добрее. Ну, не то чтобы добрее… скорее, стараюсь не выпускать внутреннего дракона, но сегодня пусть все прячутся: я зол и буду орать и кусаться.

Подрядчик опять сорвал сроки. Опять! На этот раз не просто на пару дней, а по полной. Фундамент на третьем корпусе пошёл с отклонениями, арматура не та, документы собирали второпях, будто склеивали из разных проектов на коленке.

— Где Олег, Насть? Ты сказала ему, чтобы зашел?

Она только кивает, сглатывает и быстро выходит, прикрывая за собой дверь.

Через минуту дверь снова открывается, и в ней показывается мой операционный директор с планшетом под мышкой. Олег — единственный, кто не теряется, когда я в таком состоянии. Он садится напротив, закидывает ногу на колено, кладёт планшет на стол.

— Ну, рассказывай, — говорит спокойно, будто мы не о срыве миллионного контракта говорим, а о погоде. — Что опять не так?

Тяжело выдыхаю, тушу сигарету в пепельнице.

— Фундамент. Отклонения. Арматура не та. И это ещё не весь список, — перечисляю сухо, чеканя каждое слово. — Прораб либо слепой, либо ему всё равно. А скорее всего — и то, и другое.

Олег достаёт телефон, быстро листает что-то на экране.

— Сейчас наберу его, разберёмся.

— И что у нас с участком на Лесной? — перебиваю, не давая ему уйти в рутину звонков. — Олег, мы обещали сдать объект через восемь месяцев. Ты в курсе, как никто, какие бабки там крутятся. Но чувствую, и тут все сроки пойдут по пизде.

— Так, не кипи, — спокойно говорит он. — Всё решим сейчас. Я сам туда съезжу, посмотрю. Если надо — перебро-шу людей с другого объекта.

Кивает, будто сам себе подтверждает план, и выходит из кабинета.

А в кармане снова раздражающе вибрирует телефон. Уже который раз за утро. Да кто там, блин? Достаю, смотрю на экран — незнакомый номер. Вот что вам всем надо от ме-ня именно сейчас, когда голова и так раскалывается от про-блем?

— Калашников, — рявкаю в трубку, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Здравствуйте, Максим Денисович? — в трубке звучит женский голос. Спокойный, но твёрдый, будто она заранее готова к тому, что её сейчас пошлют.

На секунду даже теряюсь. Не прораб, не заказчик, не банк…

— Предположим, — бурчу, потирая переносицу. Голова начинает гудеть, как трансформатор.

— Я классный руководитель вашего сына, Марина Рома-

новна, — продолжает она ровно. — Нам нужно поговорить.

Мымра, что ли, до меня уже добралась? Почему не Лере звонит, как обычно?

В кабинет возвращается Олег, уже с какими-то распечатками в руках.

— Я сейчас занят, — говорю в трубку, стараясь не повышать голос, но получается всё равно резко. — Звоните Валерии Игоревне.

Отключаю звонок, швыряю телефон на стол. Он скользит по гладкой поверхности и замирает у края, будто тоже выдохнул.

— Ну что там, Олеж? Порадуй меня хоть чем-нибудь. А то убью сегодня кого-нибудь, точно.

Олег криво усмехается — так, будто знает, что хорошие новости сегодня днём с огнём не сыщешь.

— Радостного мало, — признаёт он, раскладывая перед мной листы. — Но решаемо. Смотри: вот отклонения по фундаменту, вот фото. Я уже связался с лабораторией — они готовы выехать сегодня. И да, на Лесную я сам поеду. Ты пока тут держись.

— Держусь, — выдавливаю из себя. — Просто… день такой.

— День как день, Макс. Вытащим. Всегда вытаскивали.

И в эту секунду я ему верю. Хоть на пять минут, но верю.

К вечеру все дела кое-как разгребаем. Еду домой с одним желанием: принять душ, бахнуть виски и завалиться спать.

В голове — гул, будто весь день по ней молотком стучали.

Подъезжаю к дому, поднимаюсь на этаж, открываю дверь — и на коврике у входа вижу кроссовки малого. Хоть что-то радостное за сегодня.

Мы с женой давно развелись, но постарались сохранить терпимые отношения ради сына. У неё теперь новая семья: муж, маленькая дочь. А наш общий сын Денис живёт то у меня, то у неё. Когда он у неё, моя квартира становится слишком тихой. Тоскливо до жути. Я не люблю эту тишину — она будто подчёркивает, сколько всего рассыпалось.

Женщин я сюда не вожу. Квартира — моя крепость, зона комфорта и место силы. Здесь я могу быть просто собой. А они в последнее время раздражают всё больше. Не нахожу я ту, с которой не только потрахаться хочется, но и поговорить. Хочу милую, добрую, хозяйственную — чтобы и меня, и сына любила.

Дохера хочу? Согласен. Все нормальные давно замужем, а те, что остались… ну, значит, никому не сгодились из-за дурного характера. Их только коты и терпят.

Но мой друг Володя же нашёл свою Любовь. И хорошая, и красивая, и добрая, и сына любит, и его. Значит, остались ещё нормальные женщины. Только где ж их искать? Явно не в баре ещё одного моего друга Брони — там нормальные точно не водятся, там только те, кто ищет приключений на одну ночь.

Разуваюсь, стягиваю с себя пальто, пиджак, швыряю их на

вешалку. Захожу в зал — и замираю. Малой накрыл стол. Пицца, кола… и даже мой виски достал. Ничёсе.

— Привет, па, — Денис сидит на диване у стола, чуть смущённо улыбается, будто не уверен, правильно ли всё сделал.

— Привет, малой, — подхожу, пожимаю ему руку, хлопаю по плечу. У него уже ладонь твёрдая, не детская. Гордость колет где-то под рёбрами. — А что это у нас? — киваю на накрытый стол.

— Да так…— бормочет, опуская глаза, — А тебе Мымра не звонила, разве?

Шумно выдыхаю и падаю в кресло, потирая лицо руками. Так-с… Виски откладываются — сначала надо разобраться.

— Звонила. Я её к Лере отправил. Но она потом ещё два раза перезванивала. Я был занят.

— Не, мама не подойдёт, ей ты нужен, — бурчит Денис, скрещивая руки на груди.

— В каком смысле — ей я нужен? Не пугай меня, — усмехаюсь.

Я с Мымрой лично не знаком и не видел никогда. Но по рассказам сына и его друга она стрёмная старая тётка, которая на детей сгоняет свой недотрах.

— Я Тарасову по лицу дал… Несколько раз.

— Избил одноклассника? — приподнимаю бровь. – За дело?

Сын занимается боксом и отлично знает: за пределами ринга показывать мастерство нельзя.

— Па, ну конечно за дело. Он девочкам в раздевалке камеру поставил. Снимал их.

Охреневаю — аж брови подпрыгивают. Ничего себе развлечения нынче у школьников!

— Вика заметила камеру и мне сказала, — продолжает Денис. — Ну, я и навалял… немного. Не рассчитал.

— Ну и молодец, что навалял! Хвалю. Люблю. Ценю и уважаю. Ты за правое дело вступился, не прошёл мимо. Так, а эта Мымра ваша что тогда от меня хочет?

— Чтобы ты завтра пришёл в школу к директору. У Тарасова отец — какая-то шишка, меценат… Будут разборки чинить.

— Ясно, — выдыхаю. — Значит, завтра едем вместе.

———

Всех приветствую в новинке.

Не забывайте ставить ## книге и добавлять в библиотеку.

Спасибо! ##

Глава 2

Максим

Заходим с сыном в кабинет директора — и с порога картина маслом. На месте директора, развалившись в кресле, будто он тут главный, сидит, по всей видимости, отец Тарасова. Рядом сынок стоит — ухмыляется разбитым лицом. Напротив — сам директор, бледный как штукатурка. Судя по всему, до нашего прихода он тут перед Тарасовым извинялся за всё на свете. У подоконника подпирает стену «Мымра». Ну, не такая уж она и старая — просто серая мышь: очки, коса, строгий костюм. Видно, нервничает.

— Здравствуйте, — говорю стальным голосом.

— Здравствуйте, Максим Денисович, — начинает директор, откашливаясь. Пытается говорить твёрдо, но в итоге сипит, как прохудившийся радиатор. Неужели так переживает? Да тут не переживать надо — действовать.

— Значит, слушайте сюда, — включается деловым тоном отец Тарасова, будто это он тут собрание ведёт. — Ваш сын посмел поднять руку на моего. Я это так не оставлю. Минимум, что ему за это светит, — постановка на учёт. И он же у вас боксёр. Так вот пусть забудет об участии в соревнованиях и турнирах.

Денис стоит, молча сопит, сжав кулаки.

— Всё сказал? — перебиваю спокойным голосом. — Слу-

шай теперь меня. Твой сын поставил камеру в раздевалке и снимал несовершеннолетних девочек, пока они переодевались.

Тарасов-старший переводит удивлённый взгляд на отпрыска — и ухмылочка сползает с лица мальчишки, будто её стёрли мокрой тряпкой. Глаза директора тоже округляются, как две большие монеты.

— А вы не в курсе были, да? — смотрю на директора. — А почему, интересно?

— Это вопиющий случай, — подаёт голос «Мымра», голос дрожит. — Но зачем же сразу избивать? Надо было нам рассказать.

— А он не избил — он отреагировал на преступление, — отрезаю. — Увидел несправедливость и не прошёл мимо. Это не слабость — это характер.

— Всё же реакцию надо держать в рамках, — хрипит директор. — У нас воспитательный процесс, а не улица.

Впиваюсь в него взглядом — тяжёлым, весом с бетонную плиту.

— Воспитательный процесс? — переспрашиваю тихо. — А снимать девочек на камеру — это, значит, часть вашего воспитательного процесса? Или вы будете мне сейчас рассказывать, что не знали? Не замечали?

— Не знала, — шепчет «Мымра», опуская глаза.

— А чем вы тогда занимаетесь, если не видите, что происходит у вас в классе? Чему вы их можете научить? — не

свожу с неё взгляда.

Она бледнеет.

— Это не отменяет того факта, что ваш сын избил моего ребёнка, — снова заводится Тарасов-старший.

— Я повторяю: мой сын защищал честь девочек, — чеканю каждое слово. — Это не нападение — это защита.

— То есть вы его оправдываете? По-вашему, бить детей — нормально?

— Так, ладно, я понял, — достаю телефон из кармана. — Давайте поступим так. Я сейчас набираю Варю Калашникову. Слышали такую? Известная журналистка, телеведущая и блогер. У неё нюх на такие истории — чует несправедливость за три квартала, как охотничья собака.

Усмехаюсь про себя. Вот это ирония. Дожился. Раньше младшая сестра угрожала задирам, что брат сейчас придёт — и всем будет места мало, а теперь я её именем пугаю. Мир перевернулся.

— Она обожает сюжеты про двойные стандарты, — продолжаю, не сводя глаз с Тарасова-старшего. — Про закрытые глаза администрации, — кидаю взгляд на директора, у которого уже дёргается веко. — Про то, как классные руководители, — перевожу взгляд на «Мымру», — делают вид, что ничего не происходит, пока дети сами не начинают защищаться. Представляете, какой материал получится: «Школа, где камеры в раздевалках — норма, а мальчик, который вступился за девочек, — нарушитель». И отдельно — про извест-

ного мецената, уважаемого человека в городе: как он финансирует школу, а его сын ставит камеры и снимает несовершеннолетних девочек.

— Ну он же просто шутил, — бормочет внезапно побелевший Тарасов, голос уже не такой уверенный.

— Нет, это не шутки — это преступление! На которое школа закрывает глаза ради денег и репутации.

— Ну погодите, — сглатывает он, глядя на директора, будто ищет поддержки. — Может, не надо так жёстко?

— А как надо? — смотрю на него в упор. — Мягко объяснить, что девочек в раздевалке снимать нельзя? Или мягко сказать, что мальчик, который не прошёл мимо, — не преступник, потому что настоящий преступник — ваш шутник? Так ему не пять лет, ему семнадцать. Мягкие методы уже не помогут. Надо было раньше воспитывать.

Снова перевожу взгляд на учительницу.

— А вы… вообще не пойму, чем занимаетесь как классный руководитель, если не знаете, что происходит у вас в классе, и ваши ученики не делятся с вами происходящим, а решают всё сами. Очевидно, ничем. Может, это вообще не ваше, — пожимаю плечами. — Вы же для них как вторая мать должны быть. По всем вопросам к вам должны идти за поддержкой и помощью. А они не идут. Задумайтесь. Вы для них не авторитет.

У девчонки глаза на мокром месте. Да, сейчас, рассмотрев её внимательнее, вижу, что она и правда девчонка — и

тридцати, наверное, нет. Опыт небольшой, я понимаю. Но тем более: если не сильно возрастом далеко ушла от своих учеников, должна же быть с ними на одной волне. А по рассказам сына, она только и делает, что орёт на них и вечно всем недовольна.

— Родители тоже должны следить за своими детьми, — шепчет она сбивающимся голосом. — А я должна учить. Я учитель.

— Так вот и научите их, учитель, что такое хорошо и что такое плохо. Если родители дома не научили.

— Давайте мирно урегулируем ситуацию, — просит директор, умоляющим голосом. — Без постановок на учёт и без журналистов.

— Ладно, — киваю, убирая телефон обратно в карман. Не потому что сжалился, а чтобы они поняли: я не жажду крови, но и не позволю сделать из моего сына виноватого. — Но это не милость — это предупреждение. Один неверный шаг — и история уйдёт в эфир. Громко, на весь город. Тарасова — под особый контроль. Никаких поблажек. Чтобы каждый его шаг был на виду.

Перевожу взгляд на Тарасова-старшего:

— А ты… следи лучше за своим шутником. Если он ещё хоть раз что-то подобное выкинет — разбираться будем уже не в кабинете директора, а в других кабинетах. Там разговоры короче и решения жёстче.

Тарасов-старший дёргается, будто от удара, но не спорит.

Вижу, как в нём сейчас борется гордость с пониманием: он тут не король, и его статус не спасёт сына от последствий.

— Я… поговорю с ним, — выдавливает наконец. — Серьёзно.

Киваю. Не ради него — ради того, чтобы Денис знал: справедливость не всегда громкая, но она должна быть.

— И ещё, — добавляю уже спокойнее, но так, чтобы услышали все. — В классе должна появиться безопасная точка. Кто-то, к кому ребёнок может прийти и сказать: «Мне страшно», «Мне плохо», «Я не знаю, что делать». Хоть вы, хоть психолог, хоть завуч. Но чтобы этот кто-то реально слушал, а не отмахивался.

Директор кивает:

— Сделаем. Лично проконтролирую.

Разворачиваюсь к сыну.

— Пойдём, — кладу руку ему на плечо. — Тут больше нечего стоять.

Выходим из кабинета.

— Спасибо, па, — шепчет.

— Да не за что. Коль все дела здесь порешали, поеду я на работу.

— А я пойду грызть гранит науки, — вздыхает. — Мымра теперь вообще меня загнобит после того, как ты с ней разговаривал.

— Пусть только попробует. Если что сразу ко мне. Понял?

Кивает.

— Ладно, я поехал, — хлопаю его по плечу. — Держи хвост пистолетом.

Глава 3

Марина

— Ну-ка, хватит лить слёзы! — Геля сжимает моё запястье, пытаясь успокоить. — Сейчас же прекращай, а то я сама сейчас расплачусь.

А я никак не могу взять себя в руки после утреннего инцидента. И самое обидное, что Калашников был прав. Его слова до сих пор звучат в голосе. И ведь не орал, не унижал — просто сказал правду, от которой хотелось провалиться сквозь землю.

Мои ученики не идут с проблемами ко мне, а решают их сами. Я для них не авторитет. Снова всхлипываю, вытираю тыльной стороной ладони мокрые щёки. Уроки сегодня провела с опухшими глазами и, честно говоря, кое-как.

Надо собираться домой. Впереди выходные, а я чувствую себя выжатым лимоном. Ничего не хочу, ничего не радует. Я всегда думала, что работаю по призванию, что быть не просто учителем, а тем, кто держит класс, кто первым замечает, когда что-то идёт не так, — это моё. Но сегодня я начала в этом сомневаться. Я плохой классный руководитель.

— Так, сейчас собираемся и едем ко мне. Пятница всё-таки. Посидим, винца выпьем, мужчин обсудим, сериальчик посмотрим, — не сдаётся подруга.

Начинаю ещё больше плакать. Ну каких мужчин? Было бы

кого обсуждать. Это у Гели отбоя от поклонников нет — она яркая, лёгкая, с ней всегда хочется быть рядом. А я обычная серая мышь. Нет у меня ни мужчин, ни личной жизни. Был один, и тот сплыл: встретил красивую и яркую и ушёл к ней.

— Как там, кстати, твой Фролов? — пытаюсь отвлечься, вспоминая одного из выпускников прошлого года, который Геле прохода не давал. — Больше не появляется?

На самом деле, в неё влюблены, мне кажется, все старшеклассники нашей школы. Но этот был особо настойчив: к директору по этому поводу на ковёр он ходил чаще, чем в столовую.

— Ой, лучше не напоминай! — хохочет Геля, отмахиваясь. — Наконец-то выдохнула. И вообще, он не мой. Так что не заговаривай мне зубы — собирайся давай.

Если подруга что-то задумала, сопротивляться бесполезно. Поэтому соглашаюсь. Какие у меня варианты?

Квартира Гели находится недалеко от школы, поэтому доезжаем мы на автобусе быстро. Знакомая квартира, знакомые запахи. В студенческие годы мы здесь много времени провели. Тогда ещё была жива бабушка подруги, и её пирожки с травяным чаем всегда поднимали нам настроение даже после самого ужасного дня.

Геля на два года младше меня, и мы с ней не были однокурсницами: познакомились, когда вместе участвовали в институтской команде КВН. И с тех пор — не разлей вода.

В четыре руки накрываем на стол: сыр, вяленая индейка,

виноград, оливки, хлебные палочки. Геля открывает вино, разливает по бокалам.

— Знаешь… я тут подумала… Может, классное руководство — это вообще не моё? — кручу в пальцах оливку, так и не решаясь её съесть.

— А ну-ка быстро выбросила эти глупости из головы! — строго обрывает подруга. — Это Калашников тебя этими мыслями накормил?

— Нет… — вздыхаю, крутя в руках бокал за ножку. — Я знаю, что как учитель английского языка я прекрасный специалист. Мои уроки, мои методики, мои результаты — всё это я могу защитить и доказать. Но как классный руководитель… Я не уследила за тем, что творилось прямо под носом. Девочки не пришли ко мне, не поделились… Представляю, как им было неприятно. Тарасов такую мерзость устроил, а они не поверили, что я смогу разобраться, что встану на их сторону…

— Я не думаю, что в этом есть твоя вина, — мягко говорит Геля. — Дело не в тебе. Они ведь знают, кто отец Тарасова. Все привыкли, что Антону всё сходит с рук и он каждый раз выходит сухим из воды. Кто же знал, что найдётся тот, кто и его папаше хвост прищемит?

— Да… — снова вздыхаю, и этот выдох получается долгим, будто из меня выходит весь воздух, который я держала весь день. — Может, ты и права.

После нескольких бокалов вина — практически на голод-

ный желудок, так как аппетита не было весь день, — я начинаю потихоньку хмелеть. И все проблемы вдруг становятся не такими острыми, а жизнь вроде обретает краски. Начинаем подпевать песням, которые льются из умной колонки.

— Слушай, а пошли в караоке-бар! — вдруг воодушевляется подруга, хлопая ладонью по столу. — Тут как раз недалеко есть один приличный: пойдём, попоём, потанцуем, сбросим этот день!

— Да где я, а где караоке-бар… — киваю на свой серый костюм.

— А мы тебя переоденем! — подскакивает со стула Геля с горящими глазами. — Давай-давай! Я уже сто лет мечтаю распустить твою косу и сделать из тебя роковуху — пусть весь мир ахнет!

Геля тянет меня за руку в свою комнату, а я заливаюсь смехом. Пусть делает что хочет: конечно, никакой красавицы из меня не выйдет, но хоть повеселюсь от души.

— Шоу «Преображение» объявляется открытым! — торжественно тянет подруга.

Достаёт палетки с тенями, туши, помады, блески… Половины всего этого великолепия я и названий-то не знаю. Снимает с меня очки, отворачивает от зеркала, чтобы я не видела, что там творится. Подруга приступает к моему перевоплощению, а я дальше потихоньку потягиваю вино. Мне весело и хорошо. Давно так не расслаблялась.

— Ну огонь же! — отходит подальше, прищуривается,

изучает меня, как художник — своё полотно. — Осталось добавить голливудскую завивку, платье, туфли — и вперёд!

Всё это время Геля не даёт мне смотреться в зеркало — держит в неведении. Перемеряем несколько платьев, пока подруга не останавливается на коротеньком красном. Находит в тон туфельки.

— Ну всё, готово! Смотри! — разворачивает меня к зеркалу.

Поворачиваюсь, смотрю на девушку в отражении — и на секунду замираю. Вспоминаю, как в передачах вроде «Модного приговора» героини, увидев себя, начинают плакать и кричать: «Это кто? Я не верю!» А у меня вместо слёз — смех, лёгкий и немного пьяный.

— Это я? Офигеть… — выдыхаю, не сводя глаз с отражения.

— Ты звезда, детка! — хлопает меня по плечу Геля. — Сегодня все мужики будут у твоих ног. Или хотя бы один — но самый симпатичный!

Хихикаю, перекидывая волосы через плечо. И правда, сейчас я чувствую себя именно такой — лёгкой, живой, настоящей. Почему бы и не повеселиться?

Вызываем такси. До бара доезжаем быстро: он, как оказалось, находится в нескольких кварталах от дома Гели. И тут и правда ничего так — уютно, атмосферно, не слишком шумно.

— Пошли сначала по шампусику, потом — петь! — тянет

меня Геля к бару.

— Пошли, — киваю, чувствуя, как внутри просыпается азарт.

Подходим к стойке, заказываем шампанское, чокаемся. И в этот момент какая-то смелая девушка уже горланит известную песню так, будто она мартовская кошка. И не стесняются же люди! Так почему бы и мне не попробовать? Вечно комплексую и считаю, что моему голосу место только в душе.

— Повтори девушкам, — слышу рядом мужской голос, обращённый к бармену.

Поворачиваю голову: высокий, крепкий, светловолосый мужчина втиснулся между мной и Гелей и улыбается. Тщательнее я его рассмотреть не могу — мои очки остались у Гели дома, и без них всё немного плывёт или это уже от алкоголя…

— Привет, — говорит он, глядя то на меня, то на подругу.

— Ну, допустим, — отвечает Геля с лёгкой иронией.

— Я Бронислав, можно Слава, можно Броня, — представляется он.

— Он же Гоша, он же Гога, он же Юрий, — хихикаю я, немного пьяненько, но с удовольствием.

— Ангелина, — протягивает руку Геля.

— Очень приятно, — кивает Бронислав и оборачивается назад. — А это мой скромный друг Макс.

Оборачиваюсь — и сердце на секунду замирает. Мать моя женщина… Калашников.

Глава 4

Максим

В бар к Славе я сегодня идти не горел желанием. Но спорить с моим другом — дело гиблое. Да и пятница, в конце концов… Неделя была, мягко сказать, сумасшедшая, так почему бы не выдохнуть и не сбросить с себя броню.

Друг после пары рюмок коньяка выходит на свою привычную «охоту». Неужели в его баре остались ещё посетительницы, которые не знают его — причём во всех смыслах? Но, как оказалось, остались. Слава приметил их своим орлиным взглядом — глаз-алмаз не подвёл.

Внешне неплохие девушки — не те, что ищут приключений на одну ночь, а те, кто реально пришёл отдохнуть.

Друг тут же «забивает» блондинку. А я и не против. Её подруга — очень даже милая. С натуральными, чуть волнистыми русыми волосами, без всей этой пластиковой эстетики: ни ресниц, похожих на щётки, ни губ, будто их накачали насосом. Просто настоящая.

Только вот смотрит она на меня так, будто увидела привидение: глаза круглые, не моргает, даже чуть назад подаётся. Я что, настолько стрёмный? — не пойму. Вроде одет нормально, не рычу, не пялюсь… А она всё равно будто ищет глазами запасной выход.

— Максим Денисович? — шепчет вдруг так тихо, что я

едва слышу сквозь музыку.

Слава и её подруга переглядываются. Я и сам не прочь вызвать пояснительную бригаду. Не припоминаю, чтобы мы где-то пересекались. Хотя внутри щёлкает что-то знакомое — будто краем глаза видел, но никак не могу вспомнить, где и когда.

— Да. Я. А ты..?

— Марина… — откашливается, чуть краснеет. — Романовна.

Марина Романовна… Марина Романовна…

Блин, крутится что-то такое в голове, зудит где-то на периферии, но никак не выплывает.

— Мы с вами сегодня виделись в кабинете директора, — добавляет она.

— Да ну нах… — вырывается у меня.

Серьёзно? Как? Это же… Не, ну вообще, конечно, что-то есть. Похожа. Просто… совсем по-другому выглядит. Ещё моложе, чем показалась утром.

Она молча пожимает плечами, будто извиняется за то, что выглядит не как строгий педагог из кабинета директора. Видно, что немного пьяненькая — не в хлам, а ровно настолько, чтобы чуть-чуть ослабить внутренние барьеры правильной девочки.

— Я не узнал… вас.

— Я догадалась, — усмехается.

— Так вы тот самый Калашников? — прищуривается её

подруга, скрещивая руки на груди. — Из-за которого моя подруга сегодня ревела полдня и решила, что классный руководитель из неё никакой.

— Ревела? — переспрашиваю, глядя на Марину. Не люблю, когда из-за моих слов кто-то плачет. Даже если я был прав по фактам — это не значит, что не мог сказать мягче.

Марина опускает глаза, потом снова поднимает, улыбается — стеснительно, но уже не испуганно. Машет рукой, будто отмахивается:

— Ой, не берите в голову. Геля преувеличивает.

— Ничего себе преувеличиваю! — шипит, прожигая меня взглядом.

Но я на её выпады не обращаю внимания. Продолжаю смотреть на Марину.

— Прости, если слишком жёстко вышло. Иногда я… не очень умею аккуратно.

Она наклоняет голову:

— Всё нормально. Не хочу вспоминать. Я сюда пришла не за этим.

— Тогда предлагаю окончательно утрясти все разногласия и обиды — пойти к нам за столик, — улыбается Слава.

Я вообще не против пообщаться с ней. Так-то она, оказывается, не мымра вовсе, а очень даже ничего. Смотрю на Марину в ожидании ответа.

Она переводит взгляд на подругу, потом на меня.

— Нет… нет. Спасибо, — отрицательно качает головой.

Слава ждёт решения подруги; та, видя отказ Марины, тоже отказывается.

Ну ладно. Отшили. Подумаешь. Но всё равно на кончике языка чувствую привкус горечи.

— Ладненько. Если передумаете — подходите, — Слава подмигивает подруге и показывает пальцем на столик в углу, за которым мы сидим.

Девушки кивают и возвращаются к шампанскому. Мы, несолоно хлебавши, возвращаемся к нашему столику.

— И зачем же ты такую милашку обидел, Калашников? — усмехается Слава.

— Так вышло, — в двух словах рассказываю утренний инцидент с Тарасовыми.

Друг кивает. А я то и дело поглядываю на Марину. На неё приятно смотреть, несмотря на то, что, очевидно, они выпили далеко не по одному бокалу. Но при этом не ведут себя развязно.

Девушки подходят к сцене, Марина берёт микрофон. Наверное, сейчас будут петь. Продолжаю наблюдать.

— Понравилась? — с улыбкой спрашивает Слава.

Неопределённо качаю головой:

— Сам ещё не понял.

Начинается вступление песни.

Да ладно? Сижу и тихо смеюсь. Слава тоже с круглыми глазами смотрит то на меня, то на сцену.

— За пять лет, что я хозяин караоке-бара, первый раз слы-

шу, чтобы кто-то пел эту песню, а тем более девушка.

Та-да! Bohemian Rhapsody — это последнее, что ждёшь от девушки в караоке. Но, должен признать, получается очень даже неплохо.

Марина поёт на кураже. Её подруга подпевает, смеётся между фразами — и в этом их дуэте столько жизни, столько отчаянной лёгкости. У меня улыбка не сходит с лица, и это странно: я ведь не из тех, кто радуется по пустякам. Да я вообще не из тех, кто улыбается без причины.

— Ну, теперь их точно уведут, — смеётся Слава, кивая в сторону бара, где уже начинают подтягиваться мужики, привлечённые не столько голосом, сколько выбором песни — и этой самой лёгкостью, которую сейчас редко встретишь в девушках.

Пока подруга Марины всех отшивает, сама Марина просто пьёт. Ей, наверное, уже хватит.

— Пойду предложу подвезти домой, — встаю, беру пиджак. — Ты ещё остаёшься или тоже едешь?

Слава качает головой, устало потирает переносицу:

— Не. Мне ещё надо закупки по отчёту проверить. Там несрастухи какие-то.

Девушки берут свои сумочки и, покачиваясь, следуют к гардеробной. Марина безуспешно пытается надеть пальто — рукава упорно не поддаются, она хмурится, будто это пальто ей лично что-то сделало. Ещё немного — и начнёт с ним, кажется, драться.

— Давай, — подхватываю пальто, расправляю, подаю как надо.

Пока она просовывает руки в рукава, успеваю уловить аромат её духов. Мило, нежно, приятно — такой запах, который хочется запомнить.

Разворачивается ко мне с улыбкой и поплывшим взглядом:

— Благодарю.

Киваю:

— Могу подвезти домой, — смотрю на девушек по очереди.

— А давай! — решительно соглашается Геля. — А то такси будем ждать вечность.

Выходим на воздух. Аккуратно усаживаю на пассажирское сиденье рядом со мной весёленькую учительницу: она ещё держится, улыбается, но глаза уже слипаются. Подруга её садится сзади. Она, как оказалось, живёт недалеко, поэтому выходит первой, предусмотрительно сказав мне адрес Марины. А та уже с улыбкой посапывает, прислонившись к стеклу.

Подъезжаем к нужному дому.

— Марин, вставай, — пытаюсь разбудить. — Приехали.

Но девушке хоть бы хны. Она продолжает спать. Блин, а подруга её сказала только адрес дома. А квартира какая?

— Марин, какая квартира?

— Что? — бормочет с закрытыми глазами.

— Номер какой?

— Сто сорок два.

— Да не школы, блин, а квартиры!

— Oh, mamma mia, mamma mia… Mamma mia, let me go, — бурчит себе поднос.

Вот нашёл же беду на свою голову… Ладно, артистка. Включаю поворотник, выезжая со двора дома. Значит, отвезу к себе. Какие у меня ещё есть варианты?

Припарковавшись возле своего дома, глушу двигатель и снова безуспешно пытаюсь растормошить Марину. Вздыхаю, выхожу из тачки, открываю дверь с пассажирской стороны, подхватываю её на руки. Она что-то невнятно бормочет, доверчиво прижимаясь.

Перед дверью ставлю её на ноги, придерживаю, чтобы не «уплыла» на пол. Марина опирается на моё плечо, вздыхает. Открываю дверь, включаю свет в коридоре. Снова беру девушку на руки, скидываю обувь и несу в спальню, кладу на кровать.

— Ммм… Надо платье снять… — мурчит сонно, едва шевеля губами.

Да блин.

— Встань тогда и сними.

Она, конечно, не слушается. Приподымаю её, словно куклу, ищу молнию на платье — она оказывается сбоку. Всё это для меня слишком откровенно и близко, тем более что девушка она всё-таки привлекательная… Снимаю платье, ста-

раясь не пялиться и ни о чём таком не думать, — а думать только о том, что ей сейчас просто нужно поспать.

Марина обратно плюхается на кровать, раскидывает руки, будто наконец-то сдаётся усталости. Накрываю её лёгким пледом, беру подушку и иду в зал на диван. Прикрываю локтем глаза, пытаюсь выровнять дыхание.

Сюр какой-то… Мог ли я ещё утром подумать, что та самая «мымра» окажется совсем не мымрой и будет сладко спать в моей кровати…

Глава 5

Максим

На диване не выспался от слова совсем, будто всю ночь ворочался под бетонной плитой. Сажусь, разминаю затёкшую шею, щёлкаю позвонками.

— Алиса, сколько времени?

— Пять часов семнадцать минут.

Устало потираю лицо, принимаю душ, чищу зубы. Вытираюсь, переодеваюсь, захожу на кухню, щёлкаю выключателем. На улице снова ливень.

— Как осень хороша!

Как чисты небеса!

Ставлю сковороду, наливаю чуть-чуть масла — оно тут же начинает тихо шипеть. Достаю яйца, хлеб, сыр. Пока на сковородке жарится глазунья, делаю тосты с сыром, варю кофе.

Только я собираюсь разложить всё по тарелкам и позвать гостью к столу, как из глубины квартиры доносится душераздирающий вопль, от которого у меня лопатка выпадает из рук на пол.

На кухню забегает перепуганная лань — Марина. Прикрывается своим платьем. Глаза огромные, задыхается.

— Что? Я? Вы? Мы? — выдаёт она единым выдохом.

— Стой-стой! — торможу её взмахом руки, сразу понимая, к чему она клонит. — Ничего не помнишь, да?

— Не помню, — всхлипывает, закрывая лицо руками. — Это ужасно.

Вот сейчас прям обидно было. Неужели вероятность оказаться в моей постели настолько ужасающа?

Подхожу медленно к ней, боясь спугнуть, как раненого зверька.

— Ничего не было, Марин. Останови драму.

Вскидывает на меня глаза, убирает ладони от лица.

— В смысле? — шмыгает носом.

— В прямом. Ты немного выпила лишнего. Уснула в машине. Подруга твоя сказала мне твой адрес, но забыла упомянуть номер квартиры. Разбудить не смог. Вот, — пожимаю плечами. — Привёз к себе.

— А голая я тогда почему? — спрашивает, недоверчиво прищурившись.

— Ну, не совсем уж и голая…

Марина одаривает меня таким взглядом, что я не решаюсь шутить дальше, и говорю как есть:

— Ты сказала, что платье надо снять. Я помог.

— О господи… — садится на стул, будто ноги больше не держат. — Я приставала к вам?

— К нам — нет.

Она качает головой.

— Это кошмар. Я позорище какое-то. Слава богу, что Дениса дома нет.

— Он у матери. Да ладно… Выдохни. Давай завтракать,

и я тебя отвезу домой.

— Да нет. Какое завтракать? Как можно? Вы и так возились со мной полночи… немного выпившей… Простите меня. Я обычно столько не пью, настроение просто такое было.

— Ничего страшного не случилось. Тем более частично ведь я и был спонсором этого плохого настроения. Давай, выпей хоть кофе.

— Ладно… кофе выпью, — соглашается.

— И глазунью с тостами. Я старался.

— Ну, если старались…

— И давай, может, на «ты»?

Замирает, смотрит на меня поверх кружки с кофе.

— Мы… целовались?

— Да не было ничего, — хмыкаю. — Вообще ничего.

— Ну да, понятно, — опускает глаза.

Марина быстро всё уплетает, вдруг резко подскакивает, хватает тарелку:

— Спасибо за завтрак. Мне пора.

— Оставь тарелку, я сам уберу.

— Да ну, что вы… Мне же не сложно.

— Оставь! — рявкаю, сам не понимая, откуда в голосе эта резкость. Просто вдруг накрывает: не хочу, чтобы она тут суетилась, будто обязана мне чем-то. Хочу, чтобы просто посидела, выдохнула.

Тарелка выскальзывает из её пальцев и с глухим звоном падает, разлетаясь на осколки.

— Стой, не двигайся! — кричу, но поздно: она дёргается, делает шаг — и тут же морщится, поджимает ногу.

— Да, едрит-Мадрид…

Подхватываю её на руки. Она тихо всхлипывает.

— Ну что ж ты за горюшко такое…

— Поставьте меня, я тяжёлая.

— Мхм. Вчера на второй этаж тащил тебя и не заметил.

— Вы… ты ещё и на руках меня вчера носил? — снова стыдливо закрывает лицо руками.

Несу в зал, аккуратно укладываю на диван.

— Я за аптечкой. Не дёргайся с места. А то по жопе получишь.

От удивления у неё рот раскрывается в виде буквы «О».

— Шучу, — бросаю через плечо, уже выходя в коридор. — Но с места всё равно не вставать.

В аптечке копаюсь на автомате: перекись, пластырь, бинт. Возвращаюсь, ставлю коробку на столик, сажусь на край дивана.

— Давай ногу.

Смотрит на меня, медленно вытягивает ногу, опирается пяткой о край дивана, чуть морщится.

— Больно?

— Немного.

Осторожно осматриваю ступню. Крошечный осколок впился в кожу, вокруг — красная полоска. Вытаскиваю его пинцетом, она вздрагивает, но не отдёргивает ногу.

— Прости. Сейчас будет щипать.

Протираю ранку ваткой с перекисью. Марина сжимает кулаки, зажмуривается, но молчит. Только дышит чуть чаще.

— Всё, — наклеиваю пластырь, разглаживаю края. — Жить будешь.

Она наконец открывает глаза, смотрит на меня с каким-то новым выражением.

— Спасибо.

— Не за что.

— Есть за что…

Я немного зависаю. А глаза какие красивые… На кухне показались мне ореховыми, а сейчас — серо-зелёные какие-то. Интересно, она в линзах? Без очков же.

— Ладно, мне пора уже, — подскакивает и тут же морщится: — Ай-ай-ай!

— Да блин. Сядь ты уже и сиди.

Послушно садится.

— Ну мне же домой надо. И к Геле. Я очки у неё оставила и вещи свои.

— Сейчас прям надо?

— Ну да… И вдруг Денис сейчас придёт. Что он обо мне подумает? Это позорище — ночевать у отца ученика.

Ну да, ужас ужасный. Это, наверное, самое бесшабашное, что ты делала в жизни.

— Я тебя отвезу. И не пытайся сопротивляться!

— Ладно.

Снимаю с крючка её пальто, протягиваю — она надевает, сидя на диване. Закидываю её сумочку себе на плечо, даю Марине в руки её туфли. Снова беру её на руки.

— Молчи, — предупреждаю заранее.

— Молчу, — доверчиво обнимает меня за шею.

Кое-как замыкаю дверь с Мариной на руках. Сажаю её в машину. Запускаю двигатель, включаю обогрев. Тёплый воздух ползёт по салону, разгоняя утреннюю сырость.

— К Геле? — спрашиваю, глядя на неё.

Кивает, отводя глаза.

— Что я ей скажу? Почему я с вами? Что она обо мне подумает?

Вздыхаю, закатывая глаза.

— Ну да, как ты посмела? Это ведь уму непостижимо — ночевать не дома.

— Не смешно.

— Смешно, — настаиваю, чуть улыбаясь. — Почему ты вообще должна перед кем-то оправдываться?

— У нас нет секретов друг от друга.

— Ну так и расскажи ей правду. Марин, не выдумывай проблем, которых нет. Лучше, пока мы едем, песню мне спой.

— Песню?.. Какую?

— Ну что-нибудь из твоего репертуара, — подмигиваю.

— Я что, вчера пела? О господи… — закрывает глаза рукой.

— Да ладно. Мне вчера очень понравилось.

Is this the real life?

Is this just fantasy?

Caught in a landslide

No escape from reality.

Тихо напеваю себе под нос. Марина отворачивается к окну, пытаясь скрыть улыбку. Достаёт из сумочки телефон и кому-то пишет — скорее всего, своей Геле.

Пока ждём под домом её подругу, вижу, как она нервничает. Вот ведь удивительный экспонат — краснеет, переживает, стесняется… Я и не знал, что такие ещё остались.

Геля выходит из подъезда, естественно, замечает, что подруга приехала со мной. Удивляется, но вопросами не засыпает — спокойно здоровается, отдаёт вещи.

— Ну видишь, а ты боялась, — говорю, когда отъезжаем.

Хмыкает с улыбкой в ответ.

Подъезжаем к её дому. Открываю дверь, собираюсь подхватить её на руки.

— Я сама, — останавливает меня ладонью. — У меня пятый этаж. Не донесёшь.

— Не надо сомневаться в моих возможностях.

Беру её на руки и несу. Из подъезда выходит какая-то бабушка лет ста, смотрит на нас, прищуривается.

— Ой, Мариночка! Это ты?

— Не она, — быстро отвечаю за Мариночку и захожу в подъезд. Блин, я-то её еле узнал со своим стопроцентным

зрением, а бабулька с порога признала. На нюх, что ли? Или у неё встроенный радар на всех местных женщин?

— Ой, как стыдно перед Анной Матвеевной… — тихо стонет Марина, пряча лицо у меня на плече.

— Забей! — фыркаю. — Она через пять минут об этом забудет.

Несу её к лифту.

— Дальше я сама, — начинает брыкаться. — Спасибо.

— Ну попробуй, — ставлю её на ноги. Вижу, что прихрамывает, но держится.

— Ну всё, я тогда пошла.

— Иди.

— До свидания. И спасибо за всё.

— Да не за что.

— Есть за что… — смотрит прямо, без отводов, и в этих серо-зелёных глазах столько тепла, что внутри что-то тихо щёлкает.

Заходит в лифт, дверь закрывается, а я стою и пялюсь на эти металлические створки.

Что происходит? Не знаю. Но чувствую — что-то хорошее. Улыбаюсь сам себе, как мальчишка, и иду к машине. И даже дождь на улице уже не кажется таким угрюмым.

Глава 6

Марина

— I saw him running и Running is good for health, — проговариваю вслух фразы написанные на доске. — Смотрите: в первом предложении «running» — это причастие. Оно описывает действие, которое происходит параллельно с другим: я видел, а он бежал. Это как два кадра в одном моменте. Во втором — это герундий. Здесь «running» уже не просто действие, а предмет разговора, почти как существительное: бег — это полезно. Он становится главным героем фразы.

Вижу, как Лиза чуть приподнимает руку, и киваю ей.

— Да, Лиза?

— То есть это одно и то же слово, но в одном случае оно как глагол, а в другом — почти как предмет?

— Именно, — киваю, довольная, что она ухватила самую суть. — Всё зависит от роли в предложении. Как в театре: один и тот же актёр может играть и злодея, и друга главного героя — всё решает сцена.

Иду вдоль рядов, раскладываю на парты карточки с короткими фразами.

— Сейчас поработаем в парах: определите, где тут причастие, а где — герундий, и объясните, почему. Не ищите подвоха, просто слушайте, как фраза звучит. Если чувствуете, что слово «делает что-то», скорее всего, это причастие. Если

оно «само по себе», как тема разговора, — это герундий.

Замечаю, что Саша хмурится и тянет руку.

— А если я скажу: I like running?

— Отличный пример. — улыбаюсь. — Здесь «running» — герундий. Ты любишь не какой-то конкретный бег, а само действие как явление. Это как сказать «я люблю мороженое»: не одну ложку, а вообще.

Класс потихоньку оживает. Слышу, как ребята шепчутся, разбирают с азартом фразы на карточках.

Подхожу к доске, стираю старые примеры, пишу новые.

— Самое главное, что я хочу, чтобы вы запомнили сегодня: причастия и герундии — это не про зубрёжку правил. Это про то, как английский язык умеет одним словом передавать и действие, и предмет, и состояние. И когда вы это почувствуете, дальше будет проще.

Смотрю на часы — до звонка ещё десять минут.

— Давайте теперь каждый придумает по одной своей фразе: одну с причастием, одну с герундием. Такую, которая отражает что-то ваше: что вы любите, что видели, что запомнилось. Потом поделитесь с соседом.

В классе становится тише. Слышу шелест бумаги, тихий стук ручек, неуверенные, но старательные фразы.

Звенит звонок.

— Все сегодня молодцы. Дома повторите материал, — говорю, собирая карточки.

Дети выходят из класса, в коридоре сразу становится

шумно.

Остаюсь одна. Вспоминаю: ещё вчера собиралась набрать маму, но закрутилась и забыла.

Достаю телефон, делаю глубокий вдох — и нажимаю вызов.

— Мамуль, привет. Как вы? Как здоровье?

— Хорошо всё, доченька. Вот томаты с утра консервирую, с перцем, как ты любишь. Приедешь как раз к Наташе на день рождения и заберёшь. И огурцы… и лечо… и кабачки. Немножко совсем… баночек двадцать.

Улыбаюсь и одновременно морщусь.

— Мамуль, а как же я всё это богатство увезу от вас?

— А я Русланчика попрошу — он тебя отвезёт. Ой, такой мальчик хороший. Зинин внук, помнишь его?

Помню, конечно. Тот самый, который в детстве козявок ел и палкой в коровьих какахах ковырялся.

— Ага. Хороший…

— Вот как раз и познакомитесь поближе. Он хороший, работящий, непьющий.

— Ма, пожалуйста, хватит меня сватать… — тихо хнычу, прикрывая глаза ладонью.

Каждый раз, когда приезжаю в родную деревню, мама находит мне нового кандидата. Это уже не забота — это идея фикс: отдать меня хоть за чёрта лысого.

— Хватит? Не хватит! Тебе тридцать один уже, Марина! Я внуков хочу уже лет десять как. А Русланчик… Он тебя

обещал приехать, даже встретить с вокзала.

— Будут тебе внуки. Не надо Русланчика!

— Да? А что, уже и кандидат есть?

— Есть, — ляпаю, сама не понимая, зачем. Лишь бы Русланчик не встречал меня с вокзала и не вёз домой из деревни.

Мама на секунду замолкает.

— Ну тогда с ним и приезжай на день рождения.

И как теперь будешь выкручиваться, врушка?

— Он у меня человек занятой. Работает. Ему некогда.

— Что значит «некогда»? Это пятница. Пусть порешает уж как-то все свои дела и приезжает. Познакомимся.

Да ну, блин… Кто меня за язык тянул? Хочется просто положить трубку, спрятаться под парту и сделать вид, что меня тут нет.

— Так что, Русланчику давать отбой?

— Да! Давай отбой.

— Ну всё, будем тогда вас ждать.

— Хорошо, — киваю в пустоту, отключаю вызов, откладываю телефон и кладу голову на стол. Хоть бейся теперь. Где мне срочно взять парня?

— Эй, ты чего тут спишь? — смеётся Геля, присаживаясь на край парты.

— Беда, подруга… — стону.

— Какая? — подходит ближе.

— Жених нужен на следующую пятницу. Хоть какой. Лишь бы мама перестала меня сватать.

— Тю… За две недели найдём. Не проблема.

Поднимаю голову, смотрю на неё, как будто она только что сморозила глупость. Хотя почему «как будто»?

— Ты серьёзно? То есть за тридцать один год не нашла, а за две недели найду?

Подруга задумчиво прикусывает губу, хитро щурится.

— Калашников!

— Где? — я резко поворачиваюсь к двери, будто Максим Денисович вот-вот выскочит оттуда с букетом и криком «я согласен!».

Геля хохочет, запрокидывая голову.

— Не смешно, — фыркаю, скрещивая руки.

— Попроси Калашникова.

Вздыхаю, опуская плечи.

— Ну да. Он прям сидит и ждёт, когда же Маринка, училка-пьянчужка, позовёт его в деревню знакомить с родителями.

— Ну тогда нужно сделать так, чтобы ему это было интересно.

— Думаешь, за лечо и консервашку согласится? — смеюсь, хотя мне совсем не весело.

— А ты попробуй. Всё может быть.

— Не, — отрицательно качаю головой. — Я так позориться не буду перед ним. И так уже напозорилась.

— Да какое позориться? Сама рассказывала, что он тебя на руках носил. Ни один мужик не будет носить на руках

женщину, которая ему не интересна.

— Да ну… Он просто такой порядочный… Ну, мужчина, понимаешь… настоящий.

— Ой, подруга, — Геля загадочно улыбается, наклоняя голову, как кошка, которая уже придумала, как стащить сосиску. — Влюбилась, что ли?

— Так, — встаю из-за стола, резко вытираю доску. — Будешь с глупостями приставать — позвоню Фролову и скажу, что Ангелина Юрьевна по нему соскучилась. Давненько он тебя под школой не караулил и домой не провожал.

— А-ах ты ж… Какая ты! Не ожидала от тебя, подруга! — визжит Геля и бьёт меня блокнотом по ягодицам.

— Эй, всех женихов отобьёшь! — хватаю указку и легонько бью её в ответ.

— Я прибиваю! — снова шлепает.

— Те, кто младше, — отбивают, старше — прибивают!

Выкрикиваю, перехватывая указку, как шпагу, поднимаю вторую руку вверх и делаю выпад в стиле д'Артаньяна в сторону Гели.

— Тысяча чертей! Каналья! — голосом Боярского.

Подруга хохочет, закрываясь блокнотом, будто это щит.

— Кхм-кхм. Здравствуйте! — мужской, низкий, красивый и очень знакомый голос.

Замираю с вытянутой рукой и указкой-шпагой. Закрываю глаза. Это ведь не он, да? Не он. Пожалуйста, пусть это будет не он.

Медленно поворачиваюсь к двери.

Стоит, облокотившись на дверной косяк плечом, и улыбается своей уверенной и чертовски красивой улыбкой.

— Здравствуйте, Максим Денисович!

_____

Дорогие мои, если история вам нравится, не забывайте ставить ## книге

Спасибо! ##

Глава 7

Марина

— Если тут дуэль, — говорит Максим Денисович растягивая слова, — я, пожалуй, постою в стороне. А то вдруг и меня случайно заколют.

Геля сдавленно фыркает, пряча улыбку в кулак. А я наконец опускаю свою шпагу. Хочется провалиться сквозь землю, желательно прямо в подвал.

— Мы… это… репетировали сценку для старшеклассников, — бормочу, пытаясь натянуть на эту нелепицу хоть какое-то приличное объяснение. — Про мушкетёров. С элементами… фехтования.

Максим Денисович кивает.

— Понятно. Современный подход к литературе. Очень… динамично. Прямо иммерсивный театр, не иначе.

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — говорит Геля, плавно скользя к двери.

Максим смотрит на меня, а я не знаю, куда себя деть.

— Вы Дениса ищете? У них сейчас физкультура должна быть.

— Нет. Я к тебе пришёл.

Брови от удивления ползут вверх.

— Ко мне? — тихо спрашиваю.

Кивает.

— Хочу взять пару уроков фехтования, — говорит серьёзно, но уголок губ дёргается.

— Это будет очень дорого стоить, — отвечаю с максимально умным и непроницаемым видом.

— Надеюсь, договоримся, — хмыкает он.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно… Хочу попросить тебя подтянуть Дениса по твоему предмету к ЕГЭ. Не бесплатно, конечно. И с определёнными условиями.

— Какими?

Лишние деньги мне точно не помешают.

— Занятия будут проходить у меня дома.

— Да это не проблема, — пожимаю плечом. — А остальные преподаватели тоже будут приходить к вам домой?

— Нет. По остальным предметам у него всё прекрасно.

Так и с английским у него всё не так уж и плохо. Но, конечно же, я соглашусь: заниматься любимым делом и при этом видеться несколько раз в неделю с Максимом — это очень заманчиво.

— Я согласна. Но у меня тоже будет условие, — выпаливаю, пока храбрость не испарилась.

— Какое? — настораживается.

— Побудьте моим парнем, — говорю таким голосом, будто прошу о чём-то абсолютно обыденном.

Глаза у Максима округляются, брови взлетают чуть ли не к волосам — на миг мне кажется, что он сейчас развернётся

и уйдёт, решив, будто я сошла с ума.

— Прям так сразу? Без прелюдии? — в его голосе слышится не только удивление, но и искорка веселья.

Смущение накатывает волной, и лицо тут же вспыхивает, выдавая меня с головой.

— Перед моей семьёй, — торопливо добавляю, чтобы хоть как-то оправдать эту нелепую просьбу. — Мама постоянно мне сватает разных кандидатов. Сил уже нет. Сегодня ляпнула ей, что у меня есть мужчина. А она сказала приезжать с ним на день рождения к тёте Наташе. Иначе всё — труба, отдадут меня Русланчику, поедателю козявок.

Боже, что я несу…

На лице Максима медленно растягивается улыбка — не насмешливая, а тёплая, будто он вдруг увидел что-то очень милое и немного отчаянное.

— Я согласен.

— Да? Серьёзно? — оживляюсь, и внутри всё подпрыгивает, как у ребёнка, которому пообещали мороженое после супа.

— Серьёзно. Зачем же тебе поедатель козявок? Такой себе генофонд.

— Так и я про то же, — вздыхаю.

— И когда день рождения тёти Наташи?

— В следующую пятницу. Мы туда и обратно. Посидим, поздравим именинницу, и всё. А, ну ещё нужно будет забрать консервацию… Немножко совсем… баночек два-

дцать.

— Ммм… Огурчики, помидорчики… — тянет Максим, прикрывая глаза.

— Ага, — киваю.

— Так с этого надо было и начинать, — подмигивает он. — А если ещё и кабачковая икра будет, то и мужа твоего готов сыграть.

— Ну, это вы уж сильно как-то разогнались, — смеюсь, пытаясь ладонями остудить свои пылающие щёки.

— С кабачковой икрой или с мужем? — обворожительно улыбается он. Да что ж ты делаешь? Я и так тут уже вся горю.

В этот момент в кабинет вихрем залетает раскрасневшийся Денис, а следом — его друг Ярик.

— О, пап, а ты чего тут? — Денис резко тормозит, чуть не поскользнувшись на линолеуме, и переводит взгляд с отца на меня.

— Зашёл договориться с Мариной…

— Романовной, — подсказываю.

— …Романовной о репетиторстве, — продолжает Максим.

— Для меня?

— Да. Тебе к ЕГЭ надо подтянуть английский язык.

— Ладно, — пожимает плечами. — А по каким дням и куда приезжать: сюда или к вам домой?

— Марина сама будет приезжать к нам.

— Романовна…

— Марина Романовна, да. Будет приезжать к нам, — Максим смотрит на меня. — По каким дням?

— А по каким тебе удобно? У тебя же бокс, — спрашиваю у Дениса.

— Ну-у-у… Могу вторник, четверг.

— Отлично. Мне подходит. В семь нормально будет?

— Да, — кивает Денис, глядя на отца.

— Так, а чего вы не на уроке? — спрашиваю ребят, включая в голос нотки классного руководителя.

— А мы кеды забыли в классе, — отвечает Ярик с такой невинной улыбкой, что сразу понятно: забыли они их нарочно, чтобы поболтаться по коридорам.

— Прям оба? — поднимаю бровь.

— Ага, — улыбаются они в унисон, как два заговорщика.

— Ну тогда берите и бегите, — кивает Максим на выход.

— Ага! — хором выкрикивают они, подлетают к шкафчикам в конце кабинета, хватают сумки для сменной обуви и вылетают в коридор.

— Ладно. Мне уже пора. До завтра тогда, — Максим делает шаг к двери.

— До завтра, — киваю, всё ещё пытаясь осознать, что только что произошло. — Кстати, а почему занятия будут проходить у вас, а не у мамы Дениса?

— Хочу больше проводить времени с сыном, — подмигивает и выходит, бросив через плечо: — Завтра в семь.

Останавливается, оборачивается.

— А у тебя ещё уроки есть сегодня? Могу подвезти.

— Уроков нет. Но директору обещала сегодня сделать отчёт. Поэтому придётся задержаться. Но за предложение спасибо.

— Понял-принял, — ещё раз кивает и исчезает за дверью.

Выдыхаю, сажусь за стол, упираюсь локтями в столешницу и опускаю лицо в ладони. Согласился. Он поедет со мной! До сих пор поверить не могу.

Глава 8

Марина

Стою перед зеркалом, глядя на своё отражение. Передо мной сегодня стоит настоящая дилемма. Мне уже выходить нужно, а я всё никак не решу, что мне надеть. Сначала я собиралась идти в привычном образе строгой учительницы — костюм, коса, очки. Но там же будет Максим, а перед ним я не хочу выглядеть как мымра. Поэт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.